

Suspense-romantic

Бренда
НОВАК

ЕЕ ХУДШИЙ
КОШМАР

Москва
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н72

Brenda Novak

HER DARKEST NIGHTMARE

Copyright © 2016 by Brenda Novak. Published by arrangement
with St. Martin's Press. All rights reserved.

Разработка серии *А. Саужова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Новак, Бренда.

Н72 Ее худший кошмар / Бренда Новак ; [пер. с англ.
А.В. Бушуева, Т.С. Бушуевой]. — Москва : Издательство
«Э», 2018. — 416 с. — (Европocket. Suspense-romantic).

ISBN 978-5-04-092187-4

Зачем он это сделал? Почему любимый истязал ее пытками и оставил умирать возле убитых подруг? В поисках ответов она задумала проникнуть в глубины сознания маньяков. И оказалась на богом забытой Аляске, в промерзшем, заснеженном краю, где за стенами уникальной суперсовременной тюрьмы собраны самые опасные психопаты страны. Но не все они заперты в камерах...

**УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092187-4

ПРОЛОГ ■

Стоит убить одного, становится
просто убить и еще двадцать одного.

*Марк Мартин,
английский убийца*

Когда Эвелин Тэлбот очнулась, она ничего не слышала. И ничего не видела. Опустилась тьма, но в сарае, в котором она лежала в холодной грязи, не было электричества.

Или... она уже не в сарае?

Мысли путались в голове...

Возможно, она была *мертва*. Она ожидала смерти, считая, что, в отличие от большинства людей, не доживет даже до окончания средней школы. Если она сейчас жива, то должна испытывать боль. За те три дня, что Джаспер Мур держал ее в плену в этом месте, боли было много. И все же в этот момент она чувствовала... нет, она ничего не чувствовала.

Что было совершенно непонятно.

Если, конечно, ей все это не приснилось. Неужели это был всего лишь кошмарный сон? Может, она проснется и отправится в школу, где увидит Джаспера. Он будет слоняться возле двери класса, подпирая стену вместе с другими парнями из бейсбольной команды и болтая о том, где они поужинают перед школьным балом.

Она представила себе, что говорит ему о том, что ей приснилось, будто он убил Мариссу, Джесси и Агату — всех трех ее лучших подружек.

Они наверняка от души посмеялись бы и обвинили во всем фильм ужасов, который недавно смотрели вместе, и он обнял бы ее за шею и привлек ее к себе, чтобы поцеловать, и этот поцелуй все бы исправил, вернул ее мир в нормальное состояние.

Увы, краткая вспышка надежды, которая пронзила ее, длилась совсем недолго. Разве ее кровать такая комковатая и твердая, как земля? Даже старый матрац, который они притащили сюда, когда впервые обнаружили это место и сделали его своим тайным местом свиданий, не казался таким жестким. Стоило ей сделать вдох, как в нос ударил запах дыма, и она вспомнила, как Джаспер бросил зажженную спичку на кучу хвороста, который собрал в лесу.

Он долго, едва ли не вечность сидел вон там, на одном из табуретов, которые они также принесли сюда, и курил «косяк».

До этого он никогда не курил «травку», по крайней мере не при ней за те полгода, что они были вместе. Но *этот* Джаспер Мур не был тем парнем, которого она знала. *Этот* Джаспер Мур был чудовищем. Он разглядывал ее, она же не осмелилась даже пошевелиться. Она закрыла глаза, чтобы не видеть того, что он делает. Но у нее было ощущение, что он внимательно наблюдает за ней, ожидая, что она умрет.

Как только он развязал веревку, которой опутал ее, она наконец смогла ощутить собственные руки. Но она не осмелилась вытереть кровь, стекавшую по ее шее. Она с трудом сдерживала булькающий хрип, вырывающийся из ее горла при каждом вдохе, а висевший в воздухе дым затруднял и без того поверхностное дыхание. Она решила что, если прежде не умрет от потери крови, то наверняка задохнется. Но животный инстинкт подсказывал ей: ее последний и единственный шанс зависит от того, сможет ли она убедить его, что он сделал свое дело, когда перерезал ей горло.

— Это будет тебе уроком, сучка! — пробормотал он и наконец зашагал прочь, бросив ее одну на съедение огню, который развел, чтобы уничтожить следы.

Как только он ушел, она попыталась встать, но, по всей видимости, потеряла сознание. Тогда еще было довольно светло. По крайней мере, она представила себе, как он спешит домой, чтобы не опоздать на тренировку по бейсболу. Все то время, пока он удерживал ее здесь, он продолжал ходить в школу.

Возвращаясь под вечер, он со смехом рассказывал ей, как отчаянно вся округа пытается найти ее и ее подруг, — даже о том, что ученики и учителя говорят в школе, — как будто все это приводило его в восторг. Он говорил о молитвенных собраниях, о желтых лентах и взволнованных репортерах из теленовостей, которые ходили по пятам за всеми, кого она знала, выпытывая у них мельчайшие подробности о пропавших.

Когда же она спросила его, как ему удастся ускользнуть из дома, чтобы вернуться сюда, в эту хижину, он объяснил, что сказал всем, что тоже отправляется на ее поиски. По его словам, он отлично справлялся с ролью не находящего себе места бойфренда, и она нисколько в этом не усомнилась. Он мог сыграть *любую* роль.

Ведь он обманул и ее.

Неужели никто не понял, что он вовсе не был искренне расстроен? Почему никто пристальнее не присмотрелся к нему? Увы, на это даже не приходится надеяться.

Красавец-спортсмен, да еще с острым умом и богатыми родителями, он был настолько убедителен, настолько правдоподобен, настолько не похож на убийцу. Никто даже не заподозрит, что он способен на такое страшное преступление.

Зажмурив глаза, она из последних сил пыталась сдерживать слезы. Самым страшным из того, что она испытала за эти дни, было то, что он предал ее любовь, причем таким чудовищным образом. Но ей лучше не думать об этом. Иначе ей станет лишь хуже. Ей нужно сосредоточиться на дыхании или, может быть, просто... стоп!

Огонь, похоже, потух. Она понятия не имела, почему он так и не пожрал ее и этот сарай, как задумывал Джаспер, но помимо едкого запаха дыма она уловила сладковатый, приторный запах разлагающейся плоти. С каждым днем зловоние становилось все сильнее и сильнее, от него мутило, выворачивало наизнанку. Джаспер признался, что у него стоит при мысли о том, что ее подруги незрячими глазами наблюдают за тем, что он с ней делал. Он сказал, что они

просто зависают вместе, веселятся, как в старые времена, — лишь с той разницей, что ее подруги наконец навсегда заткнули свои болтливые рты.

Стоило ей подумать о том, что он с ними сделал, как по ее коже пробежали мурашки. А с каким удовольствием он говорил об этом! Что было в равной степени отвратительно. Она не могла выбросить из головы картину, представшую ее глазам, когда она отправилась на его поиски. Она никак не ожидала увидеть, как он раскладывал их тела, как будто это были обычные манекены. Он сказал, что убил их потому, что они пытались убедить ее расстаться с ним; сообщив ей, что на вечеринке неделю назад он приударил за Агатой — как будто их преданность каким-то образом сделала их всех виноватыми. Он заявил, что никому не позволит вставлять ему палки в колеса.

Он утверждал, что в его планы не входило убивать *ее*, но, судя по его поступкам, не похоже, что она была для него какой-то особенной или чем-то отличалась от них. Более того, чем больше боли он причинял ей, тем большее удовольствие получал. Ее страдания как будто что-то разжигали в нем, делали его другим. Она никогда не думала, что человек может быть таким.

И все-таки она еще жива. Она воспринимала запахи, она что-то чувствовала, а темнота... была просто темнотой. А ее путанные мысли? Но как им не путаться после всего того, что она перенесла? Она из последних сил сопротивлялась тяжести, что навалилась на ее конечности и как будто замедляла биение ее сердца, как могла, боролась за жизнь. По крайней мере ей не нужно бороться с огнем. Хорошо, что она лежала на полу, ниже клубов дыма, иначе бы она уже давно умерла.

Если она доберется до шоссе, возможно, ей удастся остановить проезжающую машину.

Подняв тяжелую, непослушную руку к горлу, она почувствовала собственную липкую кровь. Она лежала в луже крови. Но зияющий разрез на шее был не единственным увечьем. У нее явно сломана нога — конечность неестест-

венно вывернута, так что сомневаться не приходится — и множество других, более мелких травм. Она видела всего лишь одним глазом и три дня ничего не ела, кроме всякой гадости, которую он запихивал ей в горло, упиваясь ее беспомощностью и унижением.

Разве у нее есть хотя бы половинка шанса?

Слишком поздно, решила она. Разве кто-то способен выжить после того, что ей пришлось вытерпеть? Не лучше ли использовать свои последние мгновения на земле, чтобы накорябать в грязи последнее сообщение, чтобы ее родные узнали, что ее убил Джаспер. По крайней мере тогда он понесет кару.

Но мысль о родителях вызвала в ней такую огромную тоску и жалость к ним — каково им будет, когда найдут ее истерзанное тело? — что она с великим усилием смогла принять сидячее положение. Когда же она не провалилась в очередной раз в беспмятство, то собралась с духом и, нащупав что-то твердое, схватилась за табурет Джаспера и кое-как поднялась на ноги.

И тогда снова вернулась боль. Почему она внезапно навалилась на нее из ниоткуда, она даже не успела понять. Но стоило ей выпрямиться, как все тело возопило в знак протеста. А когда она ступила ногой... о боже!

Она едва не потеряла сознание.

Сосредоточься! Держись! Гони боль прочь! Думай только об одном — что делать дальше!

Что означало — уйти оттуда, где были убиты ее подруги... куда он зазвал их, чтобы «поговорить наедине».

Ей было страшно. Вдруг Джаспер поймет, что хижина не сгорела, и вернется, чтобы проверить, так это или нет. Но если она хочет остаться в живых, ей нужно поторапливаться. Через пять минут или даже меньше ей может не хватить сил или присутствия духа.

Каждый шаг доставлял мучительную боль. Эвелин не имела понятия о том, как ей удалось проковылять через промокший от дождя лес. Она даже не была уверена, что движется в правильном направлении. И не важно, что она

не меньше ста раз ходила по этой тропинке к хижине. Со всех сторон ее окружала зеленая листва, и все вокруг выглядело одинаково. Возможно, она ходила по кругу, но ей нужно двигаться, по-прежнему прилагать усилия. Она непременно должна найти кого-то, кто мог бы ей помочь.

Только выйдя на дорогу, она поняла, что достигла цели. И то лишь тогда, когда раздался звук автомобильного клаксона, предупреждая, что на нее несется какая-то машина. Ей посигналили, чтобы она убралась с дороги. Она же не могла сделать и шага, не смогла даже поднять руку, чтобы привлечь к себе внимание.

Она услышала, как взвизгнули тормоза, когда водитель свернул в сторону, чтобы не наехать на нее, услышала хруст гравия, когда машина остановилась. В следующий миг она рухнула на землю и, наверно, умерла бы прямо там, на пунктирной желтой линии, разделяющей две полосы дороги, если бы человек, который бежал к ней, не крикнул:

— Боже мой! Что с тобой случилось?

Мы все так или иначе порочны.
*Ричард Рамирес, убийца,
известный как Ночной Охотник*

Двадцать лет спустя...

Он убьет ее, если сможет. Однажды он уже пробовал это сделать. Она не должна это забывать.

Бросив ручку на блокнот, который носила с собой, доктор Эвелин Тэлбот сунула пальцы под стекла очков и потерла глаза. Прошлой ночью она почти не спала. Ей снова приснился кошмарный сон.

— Плексиглас здесь установлен по конкретной причине, Хьюго. Он всегда будет между нами. И мы с вами знаем, почему.

Он явно рассчитывал услышать другой ответ. Нетерпение морщинами прорезало его красивое лицо с широким лбом и невинными на вид карими глазами, но он постарался не повышать голос. Более того, поступил с точностью до наоборот: понизил его до шепота.

— Я к вам даже пальцем не притронусь, клянусь! Я просто должен вам кое-что сказать. Перейдите на эту сторону, чтобы я мог кое-что шепнуть. Это займет всего минутку.

Чтобы схватить ее за горло или уложить в больницу, как это случилось, когда она впервые встретила его в Сан-Квентине, потребуется даже меньше минуты.

Вновь взяв ручку, она ответила размеренным тоном, который всегда прибегала для своих подопечных.

— Вы же знаете, что я не могу этого сделать. Так что скажите то, что вы хотите сказать, прямо здесь и сейчас. Мы занимаемся с вами уже две недели.

Он повернулся и посмотрел вверх, на камеру видеонаблюдения. Всякий раз, когда она встречалась с заключен-

ным, сотрудник исправительного учреждения в одной из соседних комнат наблюдал за ходом процедуры по телевизору. Заключенные думали, что за ними следят лишь из соображений безопасности, но подобные беседы также записывались. Видеозапись давала ей возможность проанализировать мельчайшие детали телодвижений, что являлось, помимо манеры речи, главной целью ее исследований.

— Я не могу, — настаивал заключенный. — Не перед камерами. Если я это сделаю, я мертвец.

Кто-то убедил его. Эвелин ничуть в этом не сомневалась.

Хотя, учитывая умение подопечных лгать, она легко могла ошибаться. Не исключено, что он просто все придумал.

— Но *кто* может вам навредить? — Она наклонилась ближе. — И как?

Эвелин изучала личность Хьюго Эвански с тех самых пор, как три месяца назад, в ноябре, был наконец открыт Ганноверский дом. Он был одним из первых психопатов, переведенных сюда, и набрал 37 очков из 40 по так называемому доработанному опроснику Хэара для выявления психопатии. Однако если посмотреть на него или поговорить с ним, никому бы и в голову не пришло, что этот человек способен на убийство. С самого начала он казался Эвелин умным, покладистым и, главным образом, вежливым. Иногда он даже был готов ей помочь.

От этого ей было слегка не по себе, но будь у нее среди психопатов, изучать которых она приехала на Аляску, друг, им бы точно был Хьюго. Может, именно поэтому она была готова поверить ему, невзирая на то, что он совершил в прошлом, и то, что ей довелось пережить самой.

— Но я ведь был прав насчет Джимми, не так ли? — сказал он.

Полтора месяца назад он предупредил ее, что один заключенный собирается повеситься на простыни. Если бы не Хьюго, Джимми Уайз сейчас был бы мертв.

— Да, но вы не требовали, чтобы я рисковала жизнью, чтобы получить эту информацию.

— Потому что Джимми не угрожал мне!

— А кто вам угрожает сейчас?

Зажмурив глаза, он ударил лбом по стеклу. Эвелин ждала.

— Что я могу сделать? — спросил он после долгой паузы. — Как мне заставить вас поверить мне? Чтобы вы согласились поговорить со мной наедине?

Он задушил пятнадцать женщин и покушался на ее жизнь. А значит, он ничего не может сделать, потому что Эвелин не настолько глупа, чтобы вновь подвергать себя опасности.

— Извините, — сказала она. — Мне действительно очень жаль.

Его взгляд упал на четырехдюймовый шрам на ее горле.

— Значит, это из-за него?

Эвелин потрогала рубец. Что ж, в некотором смысле, Хьюго прав. Но ее позабавило, что он взял на себя личную ответственность за свое поведение в тот день, когда они встретились. Она могла бы напомнить ему об этом, но ее больше интересовало то, что он хотел ей рассказать.

— Да. Именно.

Поднявшись со стула, он прошелся по всей длине крошечной комнатухи, которая была «его» половиной места их обычных встреч, — этакий аналог «кушетки психоаналитика».

— Я никогда не допущу, чтобы с вами что-нибудь случилось, — сказал он, — если только смогу.

— А как же то, что случилось в Сан-Квентине?

В этот раз она не смогла сдержаться...

— Тогда я вас не знал. Теперь же все по-другому.

Да неужели? Вот в чем вопрос.

— Я ценю вашу заботу, — ответила она, что вовсе не знало, что она передумала.

Он замер на месте и повернулся к ней лицом.

— Вы не понимаете. Вам угрожает опасность. Она угрожает нам всем.

Тревога в его голосе и выражении лица заставили волосы у нее на руках встать дыбом. Неужели именно этого он и добивался? Решил запугать ее? Она была вынуждена при-

знать, что своего он добился... но лишь потому, что выбрал эту тактику до 1 января. И он казался таким убедительным, таким искренним.

Видимо, даже ее все еще можно ввести в заблуждение...

Взяв со стола блокнот и ручку, Эвелин встала.

— Боюсь, нам придется закончить наш сеанс рано. Вы просто одержимы... Что бы ни было причиной вашего возбуждения, мы вряд ли сможем достичь результатов.

— Подождите! — Он бросился к стеклу. — Эвелин!..

Услышав, что он окликнул ее по имени, как будто они с ним были хорошие знакомые, она от удивления разинула рот. Впрочем, Хьюго тотчас поспешил исправить свою оплошность

— Доктор Тэлбот, выслушайте меня. Пожалуйста. В этой тюрьме содержатся психопаты, верно? Мужчины, которые не знают ни сомнений, ни раскаяния.

Она не ответила, не сочла нужным. Он говорил очевидные вещи.

— Я пытаюсь сказать вам, — Хьюго взглянул на камеру, — что не каждый убийца в Ганноверском доме находится взаперти.

Что-что, а такое она не ожидала услышать.

— О чем вы говорите?

— Это все, что я скажу. Если только... Если только вы не согласитесь поговорить наедине. Я объясню, что я узнал, что видел и слышал. И я не трону вас даже пальцем. *Я пытаюсь помочь!*

Эвелин отказалась слушать этот бред. Ясно дело, что, выдавая себя за ее защитника, Хьюго надеялся обрести над ней некую власть, а сам тем временем потихоньку отнимал у нее душевное спокойствие. А вот этого она ему не позволит. В шестнадцать лет ее жизнь едва не оборвалась, а все потому, что она влюбилась в человека, похожего на Хьюго. Став восемь лет назад психиатром, она посвятила свою жизнь разгадке личности безжалостного убийцы. О разуме психопата она знала больше, чем кто-либо другой в мире, за исключением разве что доктора Роберта Хэара — он раз-

работал опросник для выявления психопатии и занимался этой темой в течение почти тридцати лет. Увы, даже она не знала столько, сколько хотела бы знать, недостаточно, чтобы защитить ничего не подозревающих людей.

— Встретимся в наше обычное время послезавтра, — сказала она Хьюго. — Постарайтесь расслабиться. Вы становитесь параноиком.

Она направилась к выходу, но он отказывался признать поражение.

— Вы сами увидите! — крикнул он ей вслед. — Вы еще пожалеете, что не поверили мне!

Со вздохом глубокой усталости Эвелин бросила блокнот на стол и опустилась на стул.

— Что-то случилось? Болит голова?

Услышав голос Лоррейн Драммонд, обращавшейся к ней в открытую дверь, Эвелин подняла голову.

— Нет, я просто закончила беседу с Хьюго Эвански.

Когда в сентябре прошлого года Эвелин и начальство приступили к созданию центра, Лоррейн ответила на объявление в газете. Плотного телосложения, немолодая — ей уже было за пятьдесят, — она недавно развелась с мужем.

У нее был небольшой дом в Анкоридже в часе езды отсюда, двое взрослых детей и никакого образования, кроме средней школы. До развода она даже не работала, однако теперь прекрасно справлялась с обязанностями заведующей пищеблоком.

— Хьюго с самого первого дня вел себя идеально. Вы сами это говорили.

— Его не узнать. Он изменился, странно себя ведет.

— Тогда передайте его доктору Фицпатрику или другому специалисту. Не хотите дать себе отдохнуть?

— Доктор Фицпатрик уже задействовал его в своих исследованиях — с тех пор, как мы открылись. Мне неловко просить его о большем. Во всяком случае, после того, как доктор Брэнд уволился, а доктора Стейси Уилхайм подкосил опоясывающий лишай. Мы с трудом справляемся без них. Кто знает, как долго это продолжится, прежде чем мы